

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

«СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ»

Пьеса в двух действиях.

Действующие лица:

РИММА	30 лет
МАКСИМ	30 лет
ВИТАЛИЙ	30 лет
НИНА	30 лет

Ветеринарная больница. Наши дни.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

* * *

... Есть на свете одна ветеринарная больница. Приземистое такое здание буквой «П», выкрашенное в желтый цвет.

В этой больнице студенты сельхозинститута, будущие ветеринарные врачи, «грызут корень науки»: лечат кошек, собак. Кошек и собак приносят со всего города, потому что лечение тут бесплатное. И если попадается «интересная» болезнь у животного, то студенты проводят операции все вместе, «хором» учатся.

Вы врете, если говорите, что нет такой больницы, что я ее придумал. Она есть. Есть. Рядом с моим домом. Я сам носил туда лечить своих кошек.

И есть в этой больнице дальняя проходная комната. Она находится рядом с черным входом. Комната, как комната. Правда, без окон. Я бывал в этой комнате много раз, я помню ее очень хорошо.

Когда-то, много лет назад, в этой комнате могла бы случиться эта история. Может, она и случилась, может, что-то было не так, а чего-то - совсем не было. Не знаю. Только одно знаю точно: Римма, ветврач этой больницы - умерла.

На самом деле ее звали Ирка Лаптева. Это она на двери моей квартиры когда-то гвоздем нацарапала: «Балда ты...» Римма ветврач - умерла. Ирка Лаптева-Римма - умерла... Ее нет больше на свете.

Неправда. Я пишу эти строчки, а она стоит сзади меня: в белом халате, штанах, кроссовках. На губе у Ирки - шрам. Стоит сзади, улыбается и тихо-тихо говорит мне: «Не ври только, балда...»

* * *

Строем идут солдаты. Поют песню.

Хриплыми, злыми голосами поют. Сначала только грохот сапог по асфальту слышен. Ближе, ближе... Песня громче, громче... Во всю глотку орут, бедные...

И вдруг - оркестр! Медь, барабаны... Чистые, радостные, неземные звуки «Прощания славянки» ...

Комнатуха в ветеринарной больнице. На стенах несколько оборванных, засиженных мухами плакатов. На них нарисованы коровы, собаки, кошки, лошади. Даже слон один затесался на плакат серого цвета. И стрелочки: у кого где что находится и как кого надо резать.

Поперек комнаты, деля ее на две части, стоит черный шкаф. За ним в углу живет собака Ланка и ее четыре щенка. Ланка - огромный, как теленок, собака - московская сторожевая. Лежит там, вздыхает, будто человек, ворочается, дышит.

В другой «комнате» - диван. У дивана - стол. На него газета постелена. На гвозде фуфайки и халаты. Одна дверь, которая ведет в ветлечебницу - зеленого цвета. Другая, в углу комнаты, черный ход на улицу - выкрашена черной краской.

Потолок в комнате грязный, запаутиненный, потрескавшийся.

Возле дивана на табурете стоит настольная лампа. Она и освещает жилище Риммы. Еще стоит стул, два табурета и... Все. Больше ничего нет.

Десять часов вечера. На диване сидит НИНА. Рядом с ее ногами на полу - шикарный чемодан коричневого цвета. Нина - женщина около тридцати лет, чересчур нарисованная, чересчур яркая. Сидит на диване, брезгливо осматривается, то нервно поправляя прическу, то копаясь в чемодане. РИММА - в белом халате, в шапочке на голове, в синих тренировочных брюках с белой полосой сбоку, в кроссовках. Сидит на стуле, опустив красные руки вниз, рассматривает Нину. Говорит радостно:

РИММА. Вот мне сон в руку! Снится мне, значит, сегодня, будто меня в гроб ложут. Прямо запикивают туда с силой три мужика здоровых таких, черных... А я вылазю, вылазю все и говорю: «У меня носки на ногах новые, сымите мне их, сымите!» Говорю, в гробу-то мне все равно, дак вы мне их сымите! Говорю, у меня там в шифоньере, в рюкзаке, есть носки в полоску, старые, со слабой резинкой! Там, говорю, резинка послабже, ну?! Вот вы мне их наденьте, а эти - сымите, сымите, сымите! «Вот так ведь и не легла в гроб, пока мне носки не поменяли... (Пауза.) Вот - сон мне в руку, стало быть.

НИНА. То есть?

РИММА. Ну - ты вот и приехала, значит.

НИНА. *(копается в чемодане.)* Ты в своем репертуаре. Я прям тащусь от тебя, от твоих заморочек...

РИММА. *(радостно.)* Я у коровы молока надоила, в ведре на шифоньере стоит. От Ланки спрятала повыше, чтоб не вылакала, паразитка... *(Ланка рычит.)* Слышишь? Недовольная, что я про нее так говорю. Такой она у меня проглот, такая задница с ушами - слов нету! Да мне ведь не жалко, а ей - пережирать нельзя. Околеет. А она если помрет - я тоже помру. Сразу, тут же, на месте. Ну, ладно. Хорошо, что приехала, потруним хоть с тобой теперь вволю, ага? Я вот все ждала кого-нибудь умного, чтобы спросить... Вот ты скажи мне: я все хочу спросить, что вот это такое по радио говорят с утра до ночи: «Тыр - тыр - на - ты!».

Пауза.

НИНА. *(удивленно.)* То есть?

РИММА. Вот, говорят: «тыртырнаты» да «тыртырнаты». Вот что это такое, скажи хоть ты мне, а?

НИНА. Какое «тыртырнаты»?

РИММА. *(рассердилась.)* Ну что ты, как кусок тумбочки, понять не можешь-то? Вот, говорят, они говорят, там: «Товарищи! Нельзя нам без тыртырнаты! Нужно, товарищи, что бы обязательно была тыр-тыр-на-ты...» *(Пауза.)* Ну, что?

МОЛЧАНИЕ.

НИНА. Альтернатива, что ли?

РИММА. Ну вот, вот, правильно! Вот эта! «Ива», то есть, ага! Это вот что такое, а?

НИНА. *(смеется.)* Фу, Господи! Нашла какую-то «тыртырнаты» и с меня спрашивает... Римма! Альтернатива, чтоб ты знала, - это когда много вариантов. Ну, несколько

вариантов, понимаешь? Ну, ты даешь жару, подруга. Таких слов - и не знает. Тоже мне. Совсем уже дура, что ли?

РИММА. *(вздыхнула.)* Ну дак дура, дак чего сделаешь, раз дура. Не знаю вот. Век живи - век учись. Теперь буду знать. Надо же... А я-то думала! А это - вон что-о... Много вариантов, значит. *(Пауза.)* Ну?

МОЛЧАНИЕ.

НИНА. Что - ну?

РИММА. Задачи ясны? Цели поставлены? За работу, товарищи!

НИНА. То есть?

РИММА. Я вот не люблю убираться. Ты убери, давай, блевантин этот хоть немножко. А я пойду - корове дам, жеребцу дам...

НИНА. Чего - дашь? Как - дашь?

РИММА. Натурально - жрать дам. Чего еще-то? Я на полставки сторож, на полставки - рабсила, на ставку - ветврач. У нас тут корова, жеребец. У нас тут зоопарк целый. Хорошо живем! *(Смеется.)* Кролики есть еще даже. Бараны - три штуки. Я - четвертая! *(Хохочет.)* Для процесса обучения нам надо их. Тут студенты учатся, операции делают. Процесс обучения называется. Щас я начну этот процесс! Одну крольчиху в честь твоего прибытия шархну - мы ее сварим. А завтра я акт составляю, что ночью - не вынесла крольчиха процесса обучения, дала дуба, не разродилась. И сплшем ее! На белом катере к ебене матери сплшем! А? *(Смеется.)*

НИНА. Ой, ой... Не надо, прошу тебя! Пусть живет, не убивай! Из-за меня - не надо! Не надо, пусть живет! Ой, ой, ой!..

РИММА. Здрасьте - приехали. Че ты как оно-то? Хлеб есть, водки я взяла, а закусывать-то чем? Углом одеяла? И Ланку мне надо кормить, не тебя одну. Все равно списала бы крольчиху сегодня на процесс обучения. Не надо, говорит! Вот, здрастье-приехали, называется.

НИНА. Нет, нет! Я лучше голодом лягу, завтра схожу утром в магазин, куплю, у меня деньги есть, не надо, не надо!

РИММА. Да ладно ты, выдрючиваешься. Еще народится, ты чего? Народи-и-тись! А то? В манде много ушей да рожек. Не вые, ясно?

НИНА. Какой кошмар, какой мрак, что ты говоришь! Очумела совсем! Ты что? Перестань, пожалуйста, я не привыкла к такому, не надо! Прошу!

РИММА. Ладно. Цели поставлены. За работу, товарищи. Пошла я...

Пошла к двери. Нина испуганно вскочила с дивана.

НИНА. Да постой ты! Я тут, что ли, буду спать?

РИММА. А где еще-то?

Пауза. Нина села, осмотрела комнату.

НИНА. Ты с ума сошла, коза...

РИММА. А?

НИНА. Бьешь шестеркою туза... *(Пауза.)* Ты что, в этом сарае и живешь?

РИММА. Нет, я тут гостей принимаю. Где еще-то надо? Чем плохо?

НИНА. А квартира... квартира у тебя где?

РИММА. Прописка - у мамцы. А я - тут. Мамец выгнала меня. Дура она у меня, мамец-то моя. Говорит: одну тебя возьму, а с собакой - иди куда хочешь. Собаку, говорит, усыпи, тогда, говорит, возьму. Я ей говорю: соси у мертвого удмурта, вот так. Ясно? Говорю: я тебе сейчас член на член помножу - будет тебе многочлен, ясно?!

НИНА. *(в ужасе.)* Мама! Мама! Мамочка моя!

РИММА. Папа, папа, папочка моя. Судиться с ней хочу, разменять. А не получится - ну и член с нею и с еёной квартирой...

НИНА. Какой ужас... Как ты живешь...

РИММА. *(села, удивленно.)* А чего? Хорошо живу. Скоро праздник, «октябрьская». Праздновать будем. Ланка четверых родила, можно занимать денег теперь. Продам щенят - жить буду. Они у меня породистые, много стоят. А чего? Да для меня Ланка - дороже мамы! Она меня, Ланка моя - от смерти сколько раз спасала!

НИНА. *(тихо.)* Ты, по-моему, пьешь?

РИММА. *(поджала губы.)* Выпиваю, да. Никому не мешаю. Тихо, под одеялом. Без буйства. А что ж, надо было из-за квартиры и мамы - Ланку убить? Ага? Ничего, тут поживу, тут нормально. Ну, а как? И конфетку съесть, и задницу не ободрать, ну? А когда я тонула, я трезвая была. Ногу судорогой свело. А Ланка меня спасла. Я мастер спорта по плаванию была...

НИНА. В дерьме?

РИММА. Я же тебе писала сколько раз про это. Ну, что я плаванием занимаюсь! Щас, правда, забросила! Ну, ты ведь помнишь, в школе как я еще плавала?

НИНА. *(Тихо, настойчиво.)* Ты же мне писала, писала сама, чтобы я приезжала в любое время, что ты встретишь меня, как дорогого гостя...

РИММА. Че ты как оно-то? Я тебя как встречаю-то? Я как папа Карло ношусь тут, бутылки вон напокупила. Как тебя еще встречать-то надо?

НИНА. Ну, не так!

РИММА. У каждого Абрама - своя программа! Как? Расскажи. Я только так умею, поздно мне перестраиваться. Убрала, почистила...

НИНА. Это ты, называется, убрала?

РИММА. *(осмотрела комнату, потолок, смела со стола рукавом халата крошки.)* Да ладно ты... Херня война, лишь бы не убили...

НИНА. Мама! Мама! Ужас! Мама!

РИММА. Ну ладно ты, ладно ты. Не порти мне веселое настроение. Я пошла.

НИНА. А где тут умыться, в порядок себя привести?

РИММА. Умыться? *(Пауза.)* А-а, умыться... Горшок общий «мэ» и «жэ» в конце коридора. Закрывайся на палку, там крючок сорвали. Хотя - нету никого в больнице, не закрывайся даже, мы тут одни! *(Смеется.)* А кран - в операционной есть. Там только холодная. Пошли! Я тебе заодно покажу, как я оперирую братьев наших меньших, как учебный процесс как провожу. А? Хочешь?

НИНА. *(испуганно.)* Ты о чем это? О чем, ну?

РИММА. О том. Пацаны тащут да тащут целый день собак да кошек. Половина бездомные, больные. Куда их? Они - сюда подкидывают, думают - они нам нужны. А тут не зоопарк. Тут ветеринарная больница для обучения студентов. Я им - в спину «плюс», в башку - «минус». На рубильник двести двадцать, брык! - и нету. На мусорку выношу. *(Смеется.)* Пошли! Есть любители посмотреть. Может, тебе тоже понравится, нервы пощекотать. А?

МОЛЧАНИЕ.

НИНА. *(прижала руки к губам.)* Риммочка... Ты убиваешь животных?! Или я что-то не так поняла?! Риммочка?! Римма!!

РИММА. Дак никто больше не хочет. Все чистюли. Все белоручки. А мне с этого - навар. Овчарок бездомных - в милицию продаю, у меня там блат теперь, в трезвак даже не забирают меня! А чего ты, а? *(Хохочет.)* Ну никто не хочет тут этого делать, вся

шошка-ерошка эта пугливая тут, а я - соглашаюсь. Я - запросто. Ну и чего тут? Работа? Работа. Как вся работа-эта работа. Ладно, пошли. Посмотришь, пошли, пошли...

НИНА. Нет, нет, нет... Иди давай, сама, меня что-то мутит... Иди, иди...

РИММА. Ладно. Ты приберешь тут?

НИНА. Иди, иди, приберу... *(Села на диван, зажимает рот.)*

РИММА. Ну, все, тогда... Так. Это я - сказала, это - я сделала, это - я сделала... *(Хлопает себя по карманам халата.)* Я сейчас. За работу, товарищи! Я сейчас! *(Пошла к двери, вернулась, весело.)* Молодец, что приехала! Хорошо! Давай!

Убежала.

Нина, оставшись одна, глубоко вздохнула, закусил губу. Снова осмотрела жилище Риммы. Пошла по комнате, заглянула за шифоньер. Ланка зарычала. Нина отпрыгнула в сторону. Решила посмотреть, что в шифоньере. Ойкнула, потому что пустые бутылки, которыми до отказа был забит шифоньер, с грохотом покатились по полу. Нина начала было запихивать их назад. Бесполезно. Снова села на диван, снова осматривает комнату. Смотреть-то нечего.

НИНА. Ужас, что с ней сделалось, ужас, ужас... Какая-то смесь бульдога с носорогом... Как опустилась! Господи, мастер спорта, говорит... И ведь довольна жизнью до смерти... Нда, Нина Петровна. Попала ты. Не фонтан. Не то, что не фонтан, а вообще - кошмаревич...

Несколько раз включила и выключила настольную лампу. Комната то освещается, то полностью погружается в темноту.

Нина опять вздохнула, принялась рыться в чемодане. Достала мыло, полотенце, зубную пасту, щетку, халат. Ходит по комнате, и огромная тень ползает за ней по стенам. Нина переодевается в халат.

В дверях появляется ВИТАЛИЙ. Виталию около тридцати лет. Очень толстый, прыщавый, неопрятный дяденька. В свитере красного цвета, в полосатых мятых брюках. Дверь открыл пинком ноги, по-хозяйски. Нина завизжала, что есть силы, прыгнула на диван, прикрылась.

Нельзя! Нельзя! Нельзя!!!

Виталий выпучил от удивления глаза, закрыл дверь. Стучит. Нина торопливо сунула руки в рукава халата.

Кто там? Ну?

ВИТАЛИЙ. *(просунул нос в щелку.)* Приношу пARDону. А мне Римка? Где она? Тут?

НИНА. Кто?

ВИТАЛИЙ. Риммок, говорю? Где она?

НИНА. Рим-мок...

Входит Виталий. Дебильно, во весь рот, улыбается. Следом за ним - Максим.

Максим - в плаще синего цвета. Высокий, худощавый, черноволосый. Кажется, оба слегка выпили, потому что возбуждены что-то...

ВИТАЛИЙ. Еще раз - пARDоньте меня. Не ожидал! Обкарался потому. Надо же. Бывает! А где Риммок?

НИНА. *(сердито.)* Она ушла давать жеребцу. Скоро вернется.

ВИТАЛИЙ. *(хохочет, показывает пальцем на Нину, Максиму.)* Гы-гы. Жеребцу - это хорошо. Не захочет только, жеребец-то. Гы-гы. *(Ржет.)* Виталик. Это - Макся. Друган. Гы-гы.

Оба расшаркались перед Ниной. Та со злостью кивнула.

МАКСИМ. Максим. *(Снова сунул руки в карманы плаща, что-то там прячет, водит глазами по потолку, по комнате.)*

НИНА. Кажется, все закрыто. Чего нужно?

ВИТАЛИЙ. А вы сестра?

НИНА. Чья?

ВИТАЛИЙ. Розы Люксембург?

НИНА. Какой Розы?

ВИТАЛИЙ. Гы-гы. Ёутка. Юмор. Гы-гы. Риммку - сестра?

НИНА. Нет. Подруга. То есть, знакомая.

ВИТАЛИЙ. *(глядя на Нину, заорал, что есть силы.)* Лана-а-а-а!!! Лана-а-а-а-!!! Я про тебя забы-ы-ы-ыл!!!!

Встал на карячки, пополз за шифоньер.

(Поет.) «Лана-дыши! Лана-дыши! Светлого мая прив-э-э-эт! Лана-дыши! Лана-дыши! Синий буке-хе-хе-хе-хет!...» Ланка, иди ко мне, поцелуй дядьку Витальку, ну?!

Ланка угрожающе зарычала. Виталий попятился, встал, отряхнул руки, коленки.

У-у, сука такая. Не любит меня. Оторвет когда-нибудь мне голову, точно. Боюсь ее, а заигрываю. Почему? Отвечаю. Потому что мне Риммок - товарищ мне. А эта сука... Ивиняюсь, но она сука... Эта сука меня один раз кусила. Садись, Макся, ты чего, сейчас Риммок придет, подождем. Ага. Кусила. Выпили мы тут с Риммком и я этой падле вонючей стал в любви объясняться. Пряма давай целовать ее взасос прямо в ее морду, а она взяла и - хватя меня за морду. За лицо, то есть. Вот, над губой шрамчик остался. Вот так. Вы с ней поосторожней. *(Пауза.)* Риммок куда пошла? Ту-дой? Сю-дой? Во внутренность?

НИНА. *(фыркнула, показала пальцем на зеленую дверь.)* Тудой.

ВИТАЛИЙ. Ах, тудой! Тады - окей! Посиди, Макся. *(Нине.)* Берегите его. Он банкир. Без него нам - не проханжэ. Сейчас, Макся, она нам собаку забодает и - киздарики. Извиняюсь, пардоньте меня. Сиди. Гы-гы...

Быстренько ушел.

Остались Нина и Максим.

Ланка за шифоньером ворочается, порывается, щенки негромко взвизгивают.

МОЛЧАНИЕ.

МАКСИМ. *(кашлянул.)* Сколько раз ходил мимо этой халупы, а и не думал, что тут - так... Большое здание... Тут ветлечебница, да? У меня кошка, заболела - принесу...

НИНА. Ветлечебница. По гостям не поздновато ли ходите? На экскурсии в ветлечебницы - не поздновато ли? Друган ваш, гляжу, вообще свой человек в этом... в этой... в этом свинарнике! Вот с такими она и пьет тут, с такими!

МАКСИМ. Я тут - в первый раз...

НИНА. Ну, что ж, теперь - проведали дорогу, будете ходить чаще. Не сомневаюсь. Ничуть. Ни грамма! *(Роется в чемодане, со злостью.)* Винный - рядом, наверное, да? Ну, чтоб в кустах не пить - вы сюда заходите. А Риммок эта... Рямок натуральный она, вот что да, да!! Она, гляжу, всех пускает. Мерзавка. Специально у черного входа живет, специально! Бессовестная... Так распуститься! Так! Так! Не может в руки себя взять человек! Аж противно! Гнусно мне тут, понятно?!

МАКСИМ. Увольте. Я тут не при чем. Я за собакой пришел. Я в первый и в последний раз. Я хочу купить собаку. И все.

НИНА. А тут что - собачий магазин? Ночной, да? Кооперативный, да? Не врите. Я что, не вижу в вашем кармане бутылку? Или вы так бережно к себе книжку Пушкина к себе

прижимаете? Или лимонад? Вроде, приличный человек, а спивается... Бессовестные, так распускаться, опуститься, так не держать себя в руках, никакой морали...

МАКСИМ. (обиделся.) Неправда. Напрасно вы так. Виталик - сосед. А я дом купил. Весной. А сейчас, сами знаете, осень. Надо дачу охранять... Нужна собака. Понимаете? Воры потому что. Я туда каждый день не могу ведь ездить. Осточертело. Час туда, час обратно. Электричка тащится. Большой дом, печь, три комнаты. Жалко, если какой-то дурак спичку бросит. Я в долги влез... Извините, что поздно. Он заходит сегодня, говорит: надо собаку туда на зиму, теплую будку. Он на седьмом, а я на первом живу. Заходим иногда друг к другу, говорим. Может, и правда? Говорит: бери бутылку, пойдем, тут можно хорошую собаку взять. Ну, купить, что ли... Так что - зря вы. Я не алкаш. Нет.

МОЛЧАНИЕ.

НИНА. Боже мой! Конечно, не алкаш! Как вас зовут, я забыла?

МАКСИМ. Максим.

НИНА. Максим... Максим... Замечательное, чудное имя. Прекрасный, открытый, честный взгляд. Ему надо на дачу собаку... Ясно. Ясно. У богатых свои причуды. Красиво жить не запретишь... Максим... Максим... Настоящий мужчина с дачей, которая даже с печкой. Да? Дом, значит? В деревне почти, да?

МАКСИМ. Ну да...

НИНА. Ну да, ну да, ну да... Посидите минуточку... Не уходите, у меня к вам будет дело. Маленькое дельце! Я схожу, умоюсь! Только-только с дороги, знаете ли... (Нина преобразилась, заулыбалась, поправила прическу.) Максим, Максим, Максим... Он выручит девушку, он не оставит ее в беде, в би-дэ! (Смеется.) Меня зовут Нина, я вам еще не сказала? Оля-ля! Сейчас! Я сейчас! Момент, момент! Момент мори! Что в переводе на русский означает: я искала тебя всю свою сознательную жизнь! То есть, со вчерашнего дня, даже - вечера... Момент! Момент мори! Момент! ...

Хихикнула, завияла бедрами, выскользнула за зеленую дверь, прихватив с собой какое-то платье в блестках, мыло, зубную щетку, полотенце.

Максим сидит на стуле, вертит головой. Несколько раз включил и выключил настольную лампу. То - темнота, то - свет...

Резко распахнулась дверь черного входа. Темный осенний ветер гуляет по комнате, волоча с улицы грязную бумагу, желтые листья... В дверь видно кусочек неба и яркие звезды.

Максим вздрогнул, встал, закрыл дверь. Смотрит на Ланку. Собака рычит. Максим прижался к черной двери, не может оторвать глаз от собаки. Очень испугался.

Быстро и весело входит Римма, с ней - Виталька. Пинком ноги распахнули зеленую дверь.

ВИТАЛИЙ. Риммок, послушай сюда... Там - песик есть, какой ему надо, я уже увидел песика... Ага? Боданешь нам его, то есть: его - ему, а? Пузырь есть, взяли, все, как положено...

РИММА. (осмотрела комнату, Виталию.) А где друган твой, Кишлак?

ВИТАЛИЙ. Тут был... . Вот он! Макся - это Риммок. Знакомься, вот, вот!

Римма повернула голову, увидела Максима. В ужасе попятилась, захрипела, забившись в угол.

РИММА. Нет... . Нет... . Нет... . Нет!!!!

МОЛЧАНИЕ.

Виталий и Максим тоже перепугались. Стоят в разных углах комнаты, прижавшись к стенкам.

ВИТАЛИЙ. Риммок? Риммок? Заплохело? Ты чего, подруга? Это - Макся. Друган, ну? Не участковый, Риммок? Ты чего?

МОЛЧАНИЕ.

Римма провела по лицу рукой, улыбнулась через силу, прошла к Максиму.

РИММА. Показалось... Показалось... Нет, показалось... Нет, нет...

МАКСИМ. Здрасьте. Меня зовут Максим. Я вашей собаки боюсь.

РИММА. Кого?

МАКСИМ. Собаки... Она так смотрит, я с места не могу...

РИММА. *(помолчала.)* Ланка - отбой. Максим?

МАКСИМ. *(оглядывается на собаку, идет к столу.)* Максим...

РИММА. *(начала хохотать.)* Максим... Максим... Максим - пулеметчик... Максим... Максим... Максим... Максим!!!!

Хохочет. Виталий тоже, во всю глотку, хлопая по пузырям своих коленок руками. Максим засмеялся.

ВИТАЛИЙ. Ну, Риммок... Ну, Риммок... Нравится мне в тебе одна черта! На заднице... Чего тебе показалось-то, Риммок? Чего ты людей до переляку-то доводишь? А? Риммок? *(Хохочет.)*

РИММА. Показалось... Показалось раз, дак что... *(Быстро.)* Вон в том доме, в хрущобе, на пятом этаже вампир живет. Видишь, у меня на шее красное пятнышко?

ВИТАЛИЙ. *(перестал смеяться.)* Ну?

РИММА. Вот он по ночам летает и кровь у меня пьет... Вот на него он похож...

ВИТАЛИЙ. Кто, ептыть?

РИММА. Максим твой, пулеметчик. Только тот лысый, и шрам вот так на лбу... на лбе, то есть...

Пауза.

ВИТАЛИЙ. А-а-а-а! Вампирчик? Ну-ну-ну-ну-ну-ну! Маленький такой, ага? Лысый, а на носу - бородавка?

РИММА. Ты его знаешь? Вон там, на пятом этаже, ну?

ВИТАЛИЙ. Ну-ну-ну-ну-ну-ну-ну! Кто ж его тут не знает? Он тут у всех в округе кровушку выпил уже, хотим уже на него ментам пожаловаться! Достал, сука!.. *(Хохочет, подмигнул Максиму, покрутил у виска.)* Ну-ну-ну-ну-ну-ну-ну. Знаю. Знаю. Ну, ты и шахерезадница у нас, Риммок. *(По-хозяйски садится за стол, протирает стаканы полкой свитера.)* Сказки Афанасьева, прямо! Все вампиры на тебя, на бедную летят... Ах, Риммок-Риммок, говноулавливатель ты наш! *(Умирает со смеху.)* Давай, давай, за стол сядем, выпьем - и Кабсдох будет наш! *(Смеется.)* Гы-гы. Так, Риммок? Сразу и заберем, ага? Макся, давай, давай за стол, быстренько, а то трубы горят - кирнем быстренько, кирнем - на зло врагам, на радость маме! Да ты не обращай, Макся, внимания, не обращай, у нас тут с приходами, бывает, ага, Риммок?

Садятся за стол, смеются. Римма не отрывает глаз от Максима. Тот тоже с опаской следит за нею. Достал из кармана плаща бутылку, сел, отводит глаза в сторону.

МАКСИМ. Вы не беспокойтесь. Я люблю животных. Он будет в хороших руках. У меня и кошка есть. Гуляет все время. Я на первом этаже живу. Там ему будет хорошо, на даче. Я будку сделаю. Вы не беспокойтесь...

ВИТАЛИЙ. *(открывает бутылку зубами, наливает.)* Да чего ей беспокоиться? Ему бы сегодня киздец пришел, а тут ты - спаситель!

МАКСИМ. Что вы так смотрите?

РИММА. Надо же... Спутала...

ВИТАЛИЙ. Риммок, Риммок, Риммок... Давай, давай, не миньжуйся, выпьем, поговорим... Понужай быстренько, ну? Гы-гы.

РИММА. А он точно не вампир?

ВИТАЛИЙ. Да что ты как оно-то, Риммок? Нет, сказали же тебе! Разве ж я могу к тебе такого привести? Не уважаешь, Риммок? Пей, давай, пей, да поговорим! Общнемся!

РИММА. Кишлак, скажи ему, чтобы он себя за волоса подергал... Ну, быстро скажи, Кишлак!

ВИТАЛИЙ. Риммок, зачем? Я не понял? Я к тебе пришел, понимаешь, чтоб ты... Я, понимаешь, бутылку нашел, понимаешь... Я пришел...

РИММА. Я, я. Головка от брандсбойта! Скажи, ну?!?

ВИТАЛИЙ. Да зачем, ептыть?

РИММА. Может, он волоса на голову себе приклеил?! Быстро скажи?! Ну?! *(Завизжала Римма, Ланка залаяла.)*

ВИТАЛИЙ. Да тихо ты! Дерни сама, ептыть!

МАКСИМ. *(быстро жует хлеб.)* Неужели я похож... на вампира похож? Неужели я... такой страшный? Вы ошибаетесь...

МОЛЧАНИЕ.

Пожалуйста - дергайте. Только мне смешно.

Склонил голову перед Риммой. Та смотрит на голову Максима. Осторожно притронулась к макушке одним пальцем.

РИММА. *(Виталию.)* Кишлак, смотри, у него - две макушки... Видишь?

ВИТАЛИЙ. Ну - и?

РИММА. Счастливый, значит. Ни разу еще я счастливых не видела. Посмотрю хоть сейчас вот. Да ладно, ладно ты. Подыми голову-то... Вижу, что не приклеено, натуралеса все...

Максим поднял голову, смотрит на Римму.

МАКСИМ. Натуралеса?

РИММА. Натуралеса.

Все трое очень весело хохочут. Подняли стаканы, чокнулись.

ВИТАЛИЙ. *(сквозь смех, Максиму.)* Нет, ты видал, какая тут кадра живет, а, Макся? Свой парень у нас Риммок! Всегда с удовольствием! В любое время дня и суток! Ну, давайте, выпьем за наш шахер-махер, ага? Риммок, корочка у тебя есть? Занюхать?

РИММА. Хлеб вот. Молоко еще есть. Кролика забила, а шкуру содрать не успела: ты пришел. А варить - час. Молока налить? Оно свежее!

ВИТАЛИЙ. *(хохочет.)* Ибительсердцеперестало! Молоком - водку? Риммок, не кощунствуй! Не проханжэ, понимаешь, Риммок? Ладно, корочкой занюхаем и - киздарики! *(Поет, подняв стакан.)* «Едем мы, друзья, в дальние края, хоть и не оставили там ни хуууу...!!!» Давай! Давай!

Смеются. Выпили.

(Ест хлеб, крошки падают на пол.) Макся, нравится тебе Риммок? У-ух, красотка, скажи? *(Поет.)* «Красотки, красотки, красотки кабаре! Вы созданы лишь для развлечений-ний-ний!!!»...

РИММА. *(ест хлеб.)* Кишлак, я тебе в рог сейчас дам.

ВИТАЛИЙ. Брось, не обижайся, все нормально, Риммок?

РИММА. Много говоришь не по теме, понял?

МАКСИМ. Почему - Кишлак?

РИММА. А как надо?

МАКСИМ. Не знаю, как надо. Почему вы ему говорите: « Кишлак»?

РИММА. Дак если он - Кишлак, дак как надо?

ВИТАЛИЙ. Это Риммок так изголяется надо мной, Макся! Я не в обиде на нее, нет, ты что !

РИММА. У него фамилия «Аулов». Значит - Кишлак.

МАКСИМ. *(смеется, ест хлеб.)* Ничего не скажешь - остроумно...

ВИТАЛИЙ. Да нет, я не обижаюсь, Макся. Мы с Риммком - друганы закадычные. А знаешь, как познакомились? *(Кричит за шифоньер.)* Ланка, иди сюда, буду рассказывать, ну?

РИММА. Не трогай ее, пусть спит.

ВИТАЛИЙ. Я хотел, чтобы все в сборе были, ну?

РИММА. Она слышит оттуда, давай - говори... *(Ест.)*

ВИТАЛИЙ. Ну, ладно. В неполном составе, но рассказываю. Как мы, значит, познакомились. Ты что! Ибительсерадце перестало! Дело было так. У меня, значит, кошка. Я - на седьмом этаже. Кошка - брык, упала. Там - асфальт. В прошлом году это, Новый год вот-вот. Передние лапы ходят, зад - волокёт за собой. Понимаешь, Макся? Ну вот. И мяв, мяв, мяв... Ну, куда ее? В мусоропровод спустить, что ли? Она потому что уже - не жилец, полкошки, понимаешь, Макся, ну? Я тебе объясняю свой поступок, ты пойми меня правильно, понимаешь? Почему? Отвечаю. Потому что ты можешь подумать, что я... И так далее, понимаешь? Ну вот. Вот. А завтра - завтра - Новый год...

РИММА. *(ест хлеб.)* Как это? Послезавтра - «октябрьская» только?

ВИТАЛИЙ. *(помолчал, хохочет.)* Да нет, нет, ты не поняла!! Это я рассказываю про то, как было, а ты - не поняла! Стой, Риммок, не дрыгайся! Тихо, Маша, я - Буденный! То есть, тихо, Маша, я - Дубровский! Дай дорасскажу! Ну вот. А завтра - завтра Новый год. Не проханжэ, сам понимаешь, Макся. Дочка прям с кулаками на нее, на кошку, с кулаками, говорит: «Папа, сделай что-нибудь, ну что она - мяв-мяв-мяв, говнодавка такая!». Любит животных моя дочурка. Ну вот. А я слышал, что тут ветлечебница есть такая - студенческая - нистуденческая - хрен поймешь... Прихожу сюда вечером. Думал, суну ее под порог, пусть разбираются с ней потом. Вижу - огонек горит. Я - сюда. Тут - Риммок. Говорит мне: «Давай, говорит, я тебе ее захерачу за бутылку в семь секунд...»

РИММА. *(ест хлеб, Максиму.)* Вот Кишлак как придет в гости, так говорит, говорит, говорит, как радио. А я вот сижу его и слушаю, и слушаю, слушаю...

ВИТАЛИЙ. *(хохочет.)* Да тихо ты, радио! Ну вот. Давай, говорит, я тебе ее сделаю. И тут же, на моих глазах - двести двадцать ей, раз-раз-раз-раз! *(Виталий несколько раз включил и выключил настольную лампу.)* И - готово, без проблем, все. Нет, нет, нет, Макся, ты пойми меня правильно только. Почему? Отвечаю. Ты можешь подумать, что я такой-сякой-немытый - ненавижу животных, так, да? И ошибешься. Почему? Отвечаю. Потому что - нет. Это - неверно. Я их - люблю. Но - Новый год, надо праздновать, а она: мяв, мяв, мяв... Ну? И вот! *(Хлопнул в ладоши.)* И ей хорошо стало, и нам всем - тоже... Я же ее освободил, правда? Ведь так, Риммок, ты говоришь? Так? На зло врагам, на радость маме, ну? Риммок, скажи, ты вот животных любишь?

РИММА. Люблю. *(Смотрит на Максима.)* Ланка у нас - главарь семьи. Я для нее - все...

ВИТАЛИЙ. *(хохочет.)* Главарь, гы-гы-гы! Давай, кирнем. И я люблю. И Макся любит. И все мы вместе - любим. Мы - любители животных. Юные натуралисты, бя.

Разливает по стаканам.

Идут солдаты, грохочут сапогами по асфальту. В начале - издали, но вот - ближе, ближе, ближе...

Так что, Макся, все в норме. Там для нас есть один бугай, Риммок нам его забодает, ага? Вот эта бутылка, Риммок - это за Кабсдоха плата, имей в виду, что ты нам его - уже забодала, ну? Заверни только - и все, киздарики! Чтоб потом не говорила, что мы не платили... Ну?

Идут солдаты, грохочут сапогами по асфальту.

МАКСИМ. (испуганно.) Это что? Что? Что такое? Война? Война? Война? ?!!

РИММА. (помолчала, смотрит на Максима.) Война, ага. Битва русских с кабардинцами. Тут училище рядом танковое, раньше имени Брежнева было, называлось, а теперь: «Пийсят лет перестройке»... Парад репетируют. Послезавтра - «октябрьская»...

МАКСИМ. Парад? Парад, да? Да? Парад?

ВИТАЛИЙ. Тихо, тихо... Красиво, мля, красиво как... Шпарят! Музыка-а-а-а!!!

И только он сказал последнее слово - грянула музыка! «Прощание славянки»! Виталий и Максим принялись стучать ложками по столу, фырчат в такт, поют, что есть силы:

*«И е-е-если в поход! Труба-а! Позове-о-от!
Дорогой счастья-а! Сквозь все ненастья-а-а!
Дорогой мира-а-а! И добра-ра-ра-ра!!!!...»*

Римма тоже подвывает. Ланка гавкает во всю глотку.

Дикий шум хохот, радость.

РИММА. (кричит.) Тихо, тихо, тихо! А мне сон седня приснился: два лба меня в гроб суют, суют и суют... А у меня носки - совсем новые... Я им говорю: «Пиздадуи, дайте другие носки, чтоб резинка была послабже, слабая чтоб была, эти, говорю, новые, жалко, жалко в гроб, жалко!...»

Виталий так хохочет, что падает со стула. Максим, ежесекундно поражается, глядя на Римму, тоже хохочет.

ВИТАЛИЙ. Риммок, я от тебя ташусь! Ты неотразимый кадр! Резинка, мля, слышишь, Макся?! Резинка! Ре-зин-ка! Резинка!..

РИММА. Тихо, тихо! Ну, раз пошла такая пьянка - давай, еще принесу?

ВИТАЛИЙ. (наигранно не понимает.) А у тебя есть? Чего ты принесешь?

РИММА. Я говорю: смех смехом, а манда-то кверху мехом. (Виталий заливается, хохочет. Максим изумленно таращится на Римму.) Я говорю: у коровы в сене спрятала там я, купила ведь, принести? Щас!

Весело убежала, мотнув полый халата, хлопнула зеленой дверью. Виталий и Максим хохочут.

ВИТАЛИЙ. Ну, видишь? Ее только раскочегарить, сто грамм налить, а она потом упоит в доску, ветлечебницу продаст, но напоит всех в усмерть!

МАКСИМ. Слушай, это что такое? Не мужик, не баба. «Оно», что ли?

ВИТАЛИЙ. (хохочет.) Ага, оно! Оно! Нет, я, вообще-то, не проверял, не знаю наверняка! Почему? Отвечаю: потому что лучше в батарее засовывать, чем с ней...

МАКСИМ. Не мужик, не баба, саранча сушеная какая-то...

ВИТАЛИЙ. Ну вот! А ты идти не хотел! Да я тебе самое дно жизни показываю! Мы тут, кстати, до утра сидеть будем, так и знай. Она нас живыми не выпустит отсюда Ты своей сказал?

МАКСИМ. Нет, нет, надо домой...

ВИТАЛИЙ. Да брось! Я сказал своей - до утра не жди! Сюда раз пришел - все. Вынесут на носилках, верняк! Иначе - не проханжэ!

МАКСИМ. Нет, я еще полчаса и - уйду. Она гнусная. В портках, голос пропитой, грязюки тут - одной трисичухи центнер, наверное...

ВИТАЛИЙ. Трисичуха? Это что такое?

МАКСИМ. Триппер, сифилис, чума! Из стаканов пить противно. Не боишься?

Хохоцут, стучат по коленкам руками.

ВИТАЛИЙ. Зато веселья сколько! Общнемся! Поговорим! А то - скучно!

Открывается зеленая дверь. Входит Нина. Она в длинном, почти до пола, платье с блестками и розой на груди.

НИНА. Оп-па! А вот и я! Как тут весело, гляжу! Максим, как у вас настроение, ууууу?

МАКСИМ. *(встал.)* Все нормально...

НИНА. *(садится.)* Что едим? Что пьем? Мне граммочку тоже...

ВИТАЛИЙ. Ослепила! В глазах жарко! Ну-у-у-у... Фирма не изнашивается, сразу видно!

НИНА. Что? А-а. Симпатичное, правда? *(Поправила платье на плечах, жует хлеб, смотрит на Максима.)* Виталий, садитесь, что же вы? Вы ведь не памятник, нет? *(Смеется.)*

Влетает Римма, ставит на стол две бутылки водки. Из подола халата высыпает грязную морковку.

РИММА. *(радостно и великодушно.)* Ешьте. У кроликов морковки вот скоммуниздила. Больше жрать нечего нам. Ешьте. А они - не голодные!

НИНА. Ты смотри, как ветер носится, столбы сшибает! Тихо, тихо ты, остудись, успокойся...

РИММА. *(Виталию.)* Наливай давай! У-у, сколько гостей! Вот это - нормально. Вот это - я люблю! Когда много народу - хорошо! Это - Нинка! Ну, звать ее так. Моя подружка бывшая. В школе вместе. Приехала вот ко мне. Сон мне в руку. Проворовалась там, приехала ко мне спрятаться, понятное дело...

НИНА. Что мелешь, что трепешь, тихо, тихо, голубушка?

Сердито посмотрела на Римму. Та захлопнула рот, поняв, что что-то не то сморозила.

РИММА. Ну дык... Я в смысле - в гости ко мне...

НИНА. *(улыбнулась Максиму.)* Болтушка. Как была - так и осталась. Мы с ней в школе вместе учились в одном классе. Писали письма друг другу потом, раз в год. Судьба развела нас! Она вот где, а я... Вообще-то, я пишу стихи... *(Наворачивает на палец локон.)* «Музыка Дебюсси! На ладони меня унеси!..» Нет, нет, у меня свой стаканчик, в чемодане, я достану... *(Достает из чемодана пластмассовый стаканчик.)* Или вот: «Кровавых пятен розовый закат! Набрызгал на зеленые березы! А небосвод - изнежен и покат! Размазывает голубые слезы!..» *(Села за стол.)*

ВИТАЛИЙ. *(ошарашен.)* Аж в глазах зарябило... Ибительсердцеперестало! Вот это да-а-а-а-а!..

РИММА. *(Нине.)* На вампира похож вот этот вот... Пришли, я говорю: о, вампир натуральный, с пятого этажа!

НИНА. *(улыбается Максиму.)* На вампира? Да, очень, очень!

ВИТАЛИЙ. Стихи, ага? Писательница, ага?

НИНА. Да так, балуюсь. Знаете, культурное атташе Франции, мы с ним близкие - подчеркиваю: близкие! - друзья... Так вот, он все время просит меня: «Пиши, пиши, пиши, не сиди без дела, не зарывай талант!..» А мне - не хочется. Так, найдет иногда нечто... Стихи приходят сами, их нельзя сочинить. Верно, Максим? Вас зовут Максим?

МАКСИМ. Максим.

НИНА. Как просто... Я запомню. Не смотрите на меня так, Максим... Правда - вампир... Я боюсь нечистой силы... Когда еду по эскалатору в метро - всегда держу глаза вниз, не смотрю на тех, кто едет навстречу, понимаете? Кстати, и вам не советую, будете как в Москве...

МАКСИМ. *(улыбается.)* Почему это? Я сниму плащ, можно?

НИНА. Потому что - ведьмы. Они смотрят на вас вот так вот и забирают, так сказать, ак-ко-му-ли-ру-ют энергию людей, вашу энергию... Так-то вот, да! Да, да! Или вот, я выхожу на сцену, а ничего сделать не могу: ни рукой, ни ногой пошевелить не могу. Чувствую, в зале сидит ведьма. И все. Ноги подгибаются. То есть, подгибаются.

МАКСИМ. На сцену?

НИНА. Ну да. Я ведь на полставки манекенщицей. Привязались: надо, надо, с такой фигурой... Ну, я и дала согласие. Еще в кооперативе в одном трусь, там, сям. Мне чуть-чуть, хватит, много... Вот. Но на сцене лучше всего. Выходишь «прикинутая», но не «навороченная»... «Совки» хлопают в «такт», «крутизна» - «за такт», а если в первом ряду сидит крутой «мэн», то я... Ах!

РИММА. *(хохочет.)* Шахерезадница!

ВИТАЛИЙ. Писательница! Выпьем! С писателями не пивал еще я!

Выпили. Виталий торопливо говорит, боясь, что его перебьют:

Вот, кстати, давно хотел с писателем выпить я. Я вот историю хочу ему рассказать, чтоб написать...

НИНА. Мне что-то совсем мало плеснули, еще чуточку, а то только обожгло...

РИММА. У меня еще есть одна, пейте, пейте, выпивайте... *(Достала из-под дивана еще одну бутылку водки.)*

ВИТАЛИЙ. Тихо, тихо! Я расскажу вот, слушайте! Плакать будете! Значит, в одном городе жил молодой человек один, скажем так, да? И много он испортил девушек, пARDоньте меня. Тихо, тихо, сейчас плакать будете!

НИНА. Да меня сколько раз просили: снимись, снимись!

МАКСИМ. Куда?

НИНА. *(хохочет.)* На фотку, на журнал чтобы!

ВИТАЛИЙ. Тихо, плакать будете! Ну и вот. И вот - решил он завязать это дело, портить девушек и жизнь им. Завязал! И вот - месяц он один. А самому хочется! Но - завязал. Едет он в автобусе однажды. И видит: ну, мля - ибИтьсясердцeперестало! - сидит девушка одна, так, да? Сидит. Волосы у нее длинные, белые, до ног аж. В руках у нее цветы, ага? Ну, парень не выдержал, подошел. Начал с ней базарить - то, се... Ну, понравилась она ему, ну что делать, ну, мля! А она ему говорит: уходите от меня, пожалеете потом... Ну, тихо, слушайте, сейчас плакать будете! Тихо! Ну вот, говорит, пожалеете! Он - ни в какую! Ни на шаг от нее. Она сидит. Автобус один круг по маршруту сделал, другой. Она говорит: не встану, уходите, пожалеете! Он - не уходит, нет! И вот она говорит: ну, вы сами хотели этого... Вс-та-ёот... Встает она! Он смотрит: - ибИтьсясердцeперестало! - а она без одной ноги... То есть, с ногой, но на протезе...

Пауза. Все хохочут.

Тихо, тихо, не понимаете, сейчас плакать будете! Ну, что делать? Парень этот пошел с девушкой, пошел все ж таки, пошел, пошел... Ну и там дальше - всякое такое разное было, про любовь у них было... Ну, дайте же сказать, сволочи! Вот такой бы роман написать, а? Слышите, нет? Вот так бы начать, а потом дальше, дальше про любовь, дальше... А в конце, когда она помрет, в конце... в самом конце... на кладбище когда... там... ее там... ее там... так глубоко закопали!!!!!!!!!!!!...

Рыдает, уронив голову на стол.

МОЛЧАНИЕ.

Мимо больницы опять идут солдаты. Слышны команды офицеров. Идут солдаты, грохочут сапоги по асфальту. Ланка взвыла. Замолчала.

(Виталий поднимает голову, говорит сквозь слезы, градом текущие по его лицу.) А эти - пишут! Что пишут?! Какое говно все эти писатели пишут! Вот про что надо писать! Про это! Про чистую любовь! Про жизнь натуральную! А эти... Что пишут? Туалетные писаки, ваши головы - как сраки!!! Вот так! Извините за слово «головы»! *(Жутко рыдает. Нине.)* Ты вот скажи мне точно, не миньжуйся, скажи: ты любишь животных или нет?

НИНА. *(хохочет.)* Без-умно! Без-умно!

ВИТАЛИЙ. Пошли, я тебе корову покажу... Пошли! Ты про нее напишешь потом! Как ей тяжело тут с нами в загоне, то есть, в стойле стоять...

НИНА. *(хохочет.)* В стойке!

ВИТАЛИЙ. Не важно! В стойке в стойле! Пошли, покажу! Я ее так люблю, Буренку!

Лезет к Нине, тискает ее. Все уже мало чего соображают, быстро захмелели.

НИНА. *(умирает от смеха.)* Отстань, киска! У тебя изо рта пахнет!

ВИТАЛИЙ. Ну и что, что пахнет? Пошли, сказал, я тебе корову покажу!

НИНА. Это что, поза такая!? Ай, уйди! Ай!

ВИТАЛИЙ. Поза лотоса! Пошли, сказал, не миньжуйся! Ты корову никогда в жизни не видела, по глазам чувствую! По твоим глазам! А я часто сюда прихожу, хоть раз в неделю да прихожу! Я тут сижу и смотрю, как Риммок - брык! - и нету их... А ты о смерти не думаешь! А я прихожу вот! Думаю! Корову обнимаю, жеребца! К земле меня тянет, а я городской!..

НИНА. Ай, меня тоже к земле тянет! Завалиться бы где-нибудь! *(Хохочет.)* Вот у него дача есть - его к земле тянет тоже! А у тебя, киска, есть дача или нет?

ВИТАЛИЙ. Пошли! Есть!

НИНА. Да отвали, мне тут нравится!

ВИТАЛИЙ. Пошли, сказал, пошли, пошли!

НИНА. *(встала, качается, хихикает.)* Ой-ай-ой, ноги не держу-ут! Пошли, пошли, пошли, пристал... Не отвяжется теперь! Дверь в туалет поддержишь, okay?

ВИТАЛИЙ. *(качается.)* Я тебя над унитазом в руках подержу...

НИНА. *(хохочет.)* Ну, идем, что ли? «Музыка Дебюсси! На ладони меня унеси!» Максим, ты тут, никуда не уходишь? Посиди, ладненько, миленький? Я сейчас! Я - к корове! Скоро буду!

ВИТАЛИЙ. *(тянет Нину за руку.)* Пошли! Корова ждет! Она нас ждать не будет! Пошли скорее!

НИНА. *(повисла на Виталии.)* Ко-ев-ки! Ко-ев-ки! А ты женатый? *(Идут к двери.)* У тебя квартира есть? Ты не можешь на мне жениться, нет? Женись на мне, вдруг тебе надо? А? Я хорошая! Женатик? Ты женатик, нет, да?

Ушли. Идут солдаты.

Римма и Максим сидят друг против друга. Молчат. Зарычала Ланка, но тут же успокоилась, замолкла.

РИММА. *(нарушила молчание.)* Вагон денег из Москвы приехал на вокзал, слышал?

МАКСИМ. Что?

РИММА. Говорю, вагон денег напечатанных приехал, говорю, на вокзале стоит. В любой момент погрузят и по сберкассам развезут...

МАКСИМ. Зачем?

РИММА. Зачем! Вот все говорят: а зачем? Тыртырнаты потому что! А затем: утром встанешь, а у тебя в кармане одна копейка. Вечером ложился - сто рублей было, а утром - одна копейка.

МАКСИМ. Неправда. Не бывает так.

РИММА. Бывает. Будет так. И правильно сделают. Надо порядок навести. А то бардак кругом. Правильно. Я ученая, знаю, как бывает. Вот он роман рассказывал сейчас, да? А почему ты смеялся, и она тоже?

МАКСИМ. Потому что - смешно.

РИММА. Разве смешно? Без ноги - смешно?

МАКСИМ. Смешно.

РИММА. А если про меня написать - тоже будет смешно?

МАКСИМ. А про тебя-то зачем?

РИММА. У меня вот мечта одна есть: чтобы кто-нибудь про меня написал рассказ или повесть. Или даже роман.

МАКСИМ. *(смеется.)* А стихотворение можно?

РИММА. Можно. Все можно. Если осторожно.

МАКСИМ. Зачем тебе?

РИММА. Ну, чтоб осталось что-нибудь. Что ж я, вот так вот помру - и ничего не останется? А так бы - люди читали, знали бы, что я была когда-то, жила вот, с собаками разговаривала, за коровой ухаживала... *(Пауза.)* Не напишут. Про красивое напишут. Про такое, как у меня - нет. Я ведь вижу, что плохо живу. И как ты нос воротишь - вижу. И что Кишлак надо мной смеется... Не дура...

МАКСИМ. *(помолчал.)* Эх ты заговорила...

РИММА. А я чем больше пью, тем больше трезвею...

МАКСИМ. *(хмыкнул.)* А-а. Другие пьют, чтобы напиться, а ты, стало быть...

РИММА. А я - чтоб протрезветь. Не напишут. Не напишут про меня. Никому не надо. Хочешь, тебе жизнь расскажу свою? А ты потом - другому кому-нибудь, а тот - другому. И будут меня помнить, когда я умру...

МАКСИМ. Ты еще сто лет проживешь. Что ты все - «умру» да «умру»?

РИММА. Нет. Ланка старая. Она помрет, я - тоже, сразу же. Тут же.

МАКСИМ. Ладно, брось.

РИММА. Правда. Правда. Давай, выпьем.

МАКСИМ. Давай. Выпьем. И малость протрезвеем.

Выпили. Молчат. Снова идут солдаты. Римма нажала выключатель настольной лампы. Темно. Торопливо зажгла лампу. Снова выключила. Зажгла. Смотрит на Максима. Улыбается.

РИММА. Женатый?

МАКСИМ. Естественно.

РИММА. Дети есть?

МАКСИМ. Девочка. Дочка. Одна.

РИММА. Любишь ее?

МАКСИМ. Кого?

РИММА. Не жену ведь.

МАКСИМ. Дочку - очень люблю. Сказки ей рассказываю...

РИММА. Сказки?

МАКСИМ. Сказки.

РИММА. Меня позови.

МАКСИМ. Зачем? Ребенка напугать?

РИММА. Нет. Я тоже одну сказку расскажу ей. Я одну сказку знаю. Пушкина. «Сказка о мертвой царевне» называется. Знаешь?

МАКСИМ. Знаю. Кто ж ее не знает...

РИММА. Ну, расскажи?

МАКСИМ. Я по книжке, наизусть не помню...

РИММА. А я помню... Выучила! Расскажу вот! Выступлю, как артистка... Хочешь?

МАКСИМ. Ну, выступи...

РИММА. Слушай. «...Старший молвил:» «Спи во гробе, вдруг погасла, жертвой злобе, на земле твоя краса, дух твой примут небеса. Нами ты была любима и для милого хранима - не досталась ни-ко-му, только гробу одному...» *(Пауза.)* Вот так вот. Чтоб не думал, что я - дура...

МАКСИМ. Да я и не думаю...

РИММА. Стой, стой! Еще не все! Вот царевич Елисей пошел, пошел он... «Под горою темный вход. Он туда скорей идет. Перед ним во мгле печальной гроб качается хрустальный... И в хрустальном гробе том... Спит царевна вечным сном...» А он ее потом ка-ак поцелует, она - раз! - и живая стала. Вот так. Не дура...

Включила и выключила настольную лампу.

(улыбается.) Надо же... Удивляюсь всегда... Как так: то светло, то темно? Откуда там внутри что берется, что светло становится? Не знаешь?

МАКСИМ. Не знаю. По законам физики. Надо было учить в школе...

РИММА. Я учила. Все равно - не знаю...

МАКСИМ. И я не знаю...

РИММА. *(вдруг.)* Нинка - красивая?

МАКСИМ. *(опешил.)* Не понимаю. Про что ты?

РИММА. Мужики каких - вот таких вот любят? В платки чтоб блестящем, да?

МАКСИМ. Наверное.

РИММА. Нравится тебе?

МАКСИМ. Можно.

РИММА. Она у меня теперь будет жить. Приходи в гости. С Кишлаком приходи. Или один. Ко мне ходят гости.

МАКСИМ. Выпить?

РИММА. И выпить. А что?

МАКСИМ. Грязно тут, вонь.

РИММА. Это от собаки.

МАКСИМ. Все равно. Как ты тут живешь?

РИММА. Вот так. Где жить? Мамца не хочет с собакой меня. Я ее послала. В подсобном хозяйстве от завода работала за городом... Там домик был... А потом... ушла оттуда. Рассказать тебе свою жизнь?

МАКСИМ. Да ты уже все рассказала, вроде?

РИММА. Нет. У меня вот тут вот что-то давит все время. *(Постучала ладошкой по груди.)* Ноет и ноет. Давай, выпьем.

Выпили. Идут солдаты.

МАКСИМ. А как вы тут спать будете?

РИММА. Спать?

МАКСИМ. Ну, тут ведь условий для женщин - никаких...

РИММА. Условий?

МАКСИМ. Ну, душ там, не знаю...

РИММА. Она тут ляжет, я пойду к Ланке, к щенкам. С ними лягу. Тепло там. Фуфайку брошу...

МАКСИМ. Ну, это уж никуда не годно...

РИММА. Еще выпить хочешь? У меня есть. Я пьяная каждый день...

МАКСИМ. Да я уж понял.

РИММА. Так лучше. Все равно скоро помирать...

МАКСИМ. Юмор у тебя, однако. Вокруг одного. Хватит тебе. Ты еще молодая. Лет сорок, поди, тебе всего...

РИММА. Тридцать будет...

МАКСИМ. Тем более...

РИММА. Ланке пятнадцать лет. Она умрет - я тоже. Нельзя было ей рожать, а я подумала: пусть родит, может, проживет подольше. И я проживу. Вот. Рассказать тебе про свою жизнь?

МАКСИМ. *(раздраженно.)* Ну, Расскажи, Расскажи. Они насовсем, что ли, ушли?

РИММА. *(улыбается.)* А вообще-то - да, все уже рассказала. Скоро выгонят меня отсюда, как и из подсобного... Держат пока, потому что убивать некому. А их несут и несут. Осенью особенно, когда с дач приезжают. Девать некуда, лето поиграли и - ко мне. А я им в голову - плюс, в башку - минус, двести двадцать на рубильник, брык! - и готово. Только - только бегало: веселое, смешное, котенок маленький, беленький, - брык! - и нету... Откуда взялось, куда ушло - не знаю. Куда у них девается ихнее? А? *(Пауза.)* Я все понять хочу и не пойму. Только что вот было и - нету. И лежит. И холодное. И назад не сделаешь. Все теперь - сгниет... А? Почему это? Летом баран тут был один. У нас их четыре было, сейчас три. Ну вот. Баран был один. Я его кормила. С руки. Сахаром. Заболел. Говорят - резать надо. Никто не хочет. Я зарезала. Шкуру сняла. Ланка барана этого смяла. Беременная была, много ела. Она большая, видел? Ей много надо. Московская сторожевая. Меня сторожит, чтобы не украли. Всем я нужна украсть. Кроликов - сама ем. Ращу и ем. Списываю их потом. Их много. Тоже - двести двадцать, брык, шкуру - чулок будто - сняла... Варю, ем... Молоко у коровы дою. Видишь, красное ведро? Утрешнее молоко. Еще не съели мы с Ланкой его. Надо? Налить? Хочешь? Надо вот писателя, чтоб написал, чтоб помнили меня потом... А?

МОЛЧАНИЕ.

Максим, шатаясь, встал, распахнул дверь черного входа. Дышит тяжело. Закурил. Стоит на пороге, смотрит на улицу, на звезды. Черный ветер гуляет по комнате, несет желтые листья.

МАКСИМ. Фу-у... Какая же ты страшная... Страшнющая... Какие люди есть на свете, Бог ты мой... Фу-у-у... Душно, вонь какая...

РИММА. Страшная? Я - страшная? На внешность?

МАКСИМ. Не на внешность! На душу! На душу ты страшная, не понимаешь ты это?!

РИММА. *(тихо.)* А ты - красивый... На внешность...

МАКСИМ. Фу, вонь какая...

РИММА. Ты в зеркало на себя часто смотришь?

МАКСИМ. Каждое утро...

РИММА. Завидую...

МАКСИМ. Чему завидуешь?

РИММА. Красивым людям завидую. Счастливые.

МАКСИМ. Говорила: на вампира похож?

РИММА. Еще как похож... *(Шепотом.)* Оставайся тут... У меня. С ней. Видишь, как она к тебе? Останешься? Она тебе понравилась, вижу, нет, ну?

МАКСИМ. А ты - сводня?

РИММА. *(шепчет.)* Оставайся... Я на тебя смотреть буду...

МАКСИМ. Девушка забалдела... Гипнотизирует... Плохо стало, да? В головку ударило?

РИММА. Оставайся, а? Я тебе что-то скажу потом... Ну?

МАКСИМ. *(смеется.)* Да говори сейчас, чего ты? Не интригуй, ну?

РИММА. *(молчит.)* Свет выключу - скажу.

МАКСИМ. Ну, выключи. Ну, скажи...

Римма погасила свет. Тут же включила.

РИММА. Нет. Как в гробу. Страшно... Слушай... Слышишь?

МАКСИМ. Что?

РИММА. Крысы скребутся. Ланки не боятся. Она старая.

МАКСИМ. Ну, говори, что сказать хотела?

РИММА. Крысы ее не боятся...

МАКСИМ. Слушаю, слушаю, ну?

РИММА. Ты напейся по сильнее, чтоб не помнить ничего... Я тебе спирту сейчас принесу, из операционной, у нас там есть... Давай, ну?

МАКСИМ. Да зачем, скажи ради Христа? Мне домой надо, ну?

РИММА. По сильнее тебе надо напиться, тогда - не страшно и не вспомнишь... *(Встала, пошла на Максима.)* Давай... с тобой, а?

МАКСИМ. Что-что?

РИММА. *(шепотом.)* Ты не бойся, я не заразная... Давай, напейся по сильнее...

МАКСИМ. Да не суй ты мне грязные стаканы в рот, не надо! Аллес, приехали, что ли, да?

РИММА. Давай, а? Я умру скоро... Давай? Я девушка...

МАКСИМ. Кто девушка?

РИММА. Я - девушка. Я не пробовала.

МАКСИМ. Из глаз капает? Перепила?

РИММА. Давай, а?

МАКСИМ. Не пугай ты меня, не надо...

РИММА. Давай, а? Ты с девушками пробовал?

МАКСИМ. Да мало ли с кем я пробовал... Девушка! Не смей меня, девушка... Роту солдат через себя пропустила, наверное, наглая, и еще и бросается... К Виталику обратись... К Кишлаку... *(Смеется.)* Бессовестная какая... Сколько прожил - таких предложений не получал... К Кишлаку надо, ты перепутала адрес, девушка...

РИММА. Давай, давай...

МАКСИМ. К нему давай! Вот он повел твою подружку... трахать возле коровы, в грязи - ему нравится нервы щекотать, к нему давай! А мне-то зачем такие заморочки? Ну? Не стыдно?

РИММА. Не стыдно. Поехало уже.

МАКСИМ. Крыша?

РИММА. Я - девушка... Давай? Попробуешь только... Давай? Я умру скоро... Только с таким, как ты, согласна... А так - нет, ни с кем не надо... Током ударило, как увидела тебя...

МОЛЧАНИЕ.

(тихо, злобно.) Не отдам собаку... Сделаешь - отдам...

МАКСИМ. Ах вот, как с тобой расплачиваются... Ну-ну...

РИММА. Не отдам, сказала...

МАКСИМ. Послушай, девушка! Послушай! Послушай! Ты посмотри на себя в зеркало, посмотри со стороны! Ты что есть? Паук, ничтожество, червяк... Ты к кому с

такими предложениями обращаешься? К кому? Ко мне?! Ты, девушка?! С собакой со своей спишь, трахаешься, «оно», зоофилка?!...!

РИММА. С собакой человек не спит...

МАКСИМ. Человек! Ты - человек ! Насекомое! Тварюга! Ты - человек?!

РИММА. Нет?

МАКСИМ. Ладно, все, хватит меня пугать... Пусти, дрянь такая...

РИММА. Останься...

МАКСИМ. У меня жена, ребенок, понимаешь ты или нет?

РИММА. Останься...

МАКСИМ. Пусти?! Ну?!

РИММА. *(взяла пустую бутылку в руки.)* Сказала - тут останешься... Тут, тут, тут...

Замахнулась. Максим стоит у черного входа.

Убью сейчас и тут останешься...

МАКСИМ. Ты чего, чего это... Я за собакой пришел, а она мне - случку предлагает... Не стыдно?! Не стыдно?!

РИММА. Не стыдно... Не стыдно...

МАКСИМ. Совсем долбанулась, совсем... Пусти, говорено?!

В комнату влетает Нина. Падает на табурет, наливает водки в стакан, пьет.

НИНА. Сука, платье помял... Макся! *(Капризно.)* А, Макся? Он ко мне пристаёт! Макся, слышишь? Но мне не надо, клала я на таких с прибором! Макся, иди сюда, за стол, что-то скажу, ну? Макся!

Максим проходит мимо Риммы, застывшей с бутылкой в руках, сел за стол. Наливает водки в стакан, пьет.

МАКСИМ. Где Кишлак? Где он?

НИНА. Я ему говорю - женишься! А он - во! *(Хохочет, обнимает Максима, плачет.)* Говорит, на таких не женятся, падла! Говорит, таких в любовницы берут! Я ему: ну дак возьми, падла! А он - чмо! Макся, мы договорились, да? Дашь мне ключи от дачи, я буду тебе ее вместо собаки охранять, ну?

МАКСИМ. Где он? Где? Надо идти...

НИНА. *(села на колени Максиму, целует его.)* Ай, ноги не держут! Музыка Дебюсси-и-и-и! На ладони меня унеси! Дай ключи, а? Дача, дача, дача-удача! Давай, сейчас прямо поедем? Купим водяры у таксеров, у меня «бабки» есть, у меня, знаешь, сколько «бабок»? Тебе не снилось, много! Мне надо сидеть только тихонько месяц-два... И ты мне поможешь, да? А, Макся? Поехали, купим водяры, а этого не возьмем, нет, не возьмем...

МАКСИМ. Где он? Где?

НИНА. Блюет возле коровы, педрило толстожопое! Он - педрило! Я сразу поняла, что он - педрило-мученик! Скрывает, свинья! Чего он тебя по ночам таскает? Он к тебе пристаёт, красавчик мой? Ну? Красавчик мой, женитесь на мне кто-нибудь, я хорошая! Ну ты, засранец, а? Слышишь, нет? Брось его, пошли, поехали на дачу! Ее тоже не возьмем, свинью грязную... Ну ее! Свинья ты, поняла? Ря-мок! Ря-мок ты! Пошли...

Римма ударила бутылкой о спину дивана, полетели осколки. Пошла на Нину и Максима.

РИММА. Ланка! Фас на них! Фас! Фас! Кому сказала - фас! Ланка?!...!

Нина и Максим в ужасе отступают к дверям.

Ланка, ну?! Мараться не хочешь?.. Я сама, правильно... Сама! Всем двести двадцать сейчас... Сейчас заметелю... Поубиваю всех... Гнидь!!!! Всех!!!

НИНА. Чеканулась... Дура! Свинья! С ума сошла! Ты чего?!

РИММА. Стоять!!! Убью!!!

МАКСИМ. Не смей!!! Дура!!! Не смей!!!

Нина визжит. Максим перехватил бутылку, свалил Римму на пол. Пинают, бьют кулаками Римму.

НИНА. *(тяжело дышит, бьет ногой Римму.)* Смотри, какая тварь! Тварь! Смотри, а? Приревновала, да? Приревновала, скотина, собака!

МАКСИМ. Мерзость какая, а? Кидается еще, скотина... Все. Пока. Иду отсюда...

НИНА. Ты что? Уходишь? Макся, Макся? А я? Она встанет, она меня убьет сейчас... Макся... Забери меня... Ты видел ее глаза, Макся? У нее белая горячка, Макся... Макся, ну?!

Максим тяжело дышит, вытирает со лба пот. Смотрит на Нину, быстро рашает.

МАКСИМ. Пошли! Быстро! Ну?

НИНА. Миленький мой... Миленький... Красавчик мой... Стой, стой...

Подхватила чемодан, быстро идет за Максимом.

Римма долго лежит на полу.

Встала. Пьет из бутылки. Упала на диван. Включает, выключает свет...

РИММА. *(хрипит, лежа на спине.)* Ланка!!!! Иди ко мне, падла!..

МОЛЧАНИЕ.

Почему ты на них не кинулась, ну?! Так ты меня защищаешь, да? ... Так я тебя кормлю, да? За просто так кормлю, сучку такую... Ланка...

МОЛЧАНИЕ.

Ланка!!!!.. Иди ко мне, пожалей меня, ну?! Ланка-а-а-а... Иди сюда... Иди сюда-а-а-а... Или я тебе двести двадцать сейчас засандалю, в спину, в голову, ну?! Иди ко мне, слышишь?!

Встала, качается, падает, поднимается. Идет за шифоньер.

Вышла. Смотрит на потолок. Включает и выключает настольную лампу.

Ланка - умерла...

ТЕМНОТА.

Занавес.

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Тридцать первое декабря. Вечер, около восьми часов.

В комнате что-то изменилось. Хотя все стоит на прежних местах. Нет, шкаф теперь не перегораживает комнату, он - у стены. Почище стало. Нету Ланки и щенков.

Елка стоит в комнате. На ней три игрушки, фонарики. То зажигаются, то гаснут.

На диване, забившись в угол, сидит Римма. Закуталась в одеяло, смотрит, как завороженная, на елку, на огоньки. В руках у нее бутылка. Изредка Римма прикладывается к горлышку, делает глоток-два, опять смотрит на елку. Трясет головой.

Под барабанную дробь идут солдаты. Издалека идут. Ближе, ближе...

Римма вскочила с дивана, бежит к черной двери, распахивает ее. Римма - в длинном до пола платье с блестками и в кроссовках.

Распахнула дверь. Летит в комнату снег.

Прижалась к косяку щекой, кричит во всю глотку:

РИММА. Ура-а-а-а! Ура-а-а-а!!! Новый год!!! Солдаты!!! Ура-а-а-а!!! Ура-а... Новый год...

Пьяно мотает головой. Закрывает дверь, идет к дивану, трясется от холода. Закуталась в одеяло, что-то шепчет. Пьет из бутылки.

Новый год... Новый год... Ура-а-а-а... Ура-а-а... Новый год... Да здравствует Новый год... Ура-а-а...

Стук в дверь.

(хрипло.) Кто? Ну?

В черную дверь снова стучат.

Открыто, ну? Входи, кто?

Взяла со стола вилку, держит в руках.

Черная дверь открылась.

На пороге - Максим. Он в дубленке и в шапке. Снегом запорошен.

МАКСИМ. Привет...

РИММА. Ну?

МАКСИМ. Я иду мимо - кто-то орет. Ты, что ли? Живая?

РИММА. Кто такой?

МАКСИМ. Не помнишь?

РИММА. Не помню.

МАКСИМ. Мы тут как-то были с товарищем. Не помнишь?

РИММА. Не помню.

МАКСИМ. У тебя еще подруга была тут. Нина. Я с твоим другом приходил. Ты его Кишлаком звала, ну?

РИММА. Первый раз слышу. Ну?

МАКСИМ. Неужели забыла? Заспала? Ты еще драться кидалась, не помнишь, нет?

РИММА. Я на всех кидаюсь. Всех запоминать теперь?

МАКСИМ. Ну и ладно. Ну и хорошо. Не помнишь - ну и хорошо. А то я боялся...

РИММА. Ну?

МАКСИМ. Меня Максимом зовут. Нет, не вспомнила?

РИММА. Много тут говнюков ходит.

МАКСИМ. Да нет, ты, вроде, помнишь, даже прониклась ко мне... Нет, не вспоминаешь?

РИММА. Ну и иди, иди, чего прешься сюда? Иди домой, Новый год, стол накрыт. .

МАКСИМ. Я чуть погреюсь, можно?

РИММА. У меня тут - как на улице холод. Не поможет...

МАКСИМ. Все равно - ветра нету. Две минуты посижу, ладно? А то хожу там, стучу, стучу - никто не слышит. Думал - ты уехала куда-нибудь... Потом про эту дверь вспомнил, решил сюда постучать... Иду, а тут ты как раз - кричишь...

РИММА. Ты же говорил - мимо шел?

МАКСИМ. Нет. Специально. По делу. Елка у тебя красивая. Гаснет, зажигается. Ты одна тут?

РИММА. А кого тебе еще надо?

МАКСИМ. Неужели ты меня не помнишь?

РИММА. Заманал.

МАКСИМ. Мы, когда еще приходили к тебе в тот раз, у тебя подруга была. Ты нам еще тогда собаку отдала, Кабсдоха... Я для дачи брал собаку. Ну? Ну? Нет?

РИММА. (зло.) Не помню!

МАКСИМ. А Нина... Нина не появлялась тут у тебя сегодня... Или вчера? Нет? Не появлялась?

РИММА. Не знаю никакой Нины... И тебя не знаю... Иди отсюда...

МАКСИМ. Нет, правда?

РИММА. Иди, сказала.

МАКСИМ. (помолчал.) У тебя, кажется, собака тут жила... Где она?

РИММА. На мыло сдала. Иди, сказала!

МАКСИМ. Нет, серьезно, что с ней? У нее щенки были, помню? Вот так вот шифоньер стоял тогда...

РИММА. Ты что - милиция?

МАКСИМ. Нет, я хочу, чтобы ты вспомнила...

РИММА. Я не забыла...

МАКСИМ. (радостно.) Ну вот, а придуливаешься!

РИММА. Шкаф стоял посреди комнаты. Теперь у стенки стоит. Ну и что тебе-то? Ты из пожарной части, ага?

МАКСИМ. Нет, ты другое вспомни, вспомни, ну?

РИММА. Знаешь, друг: не было у меня всю жизнь мечты, а теперь вот появилась вдруг...

МАКСИМ. Какая?

РИММА. Чтоб ты свалил отсюда мухой! Ну?!

Замахнулась на Максима вилкой, смотрит на него злобно, с ненавистью.

МАКСИМ. Ну, перестань, что ты как маленькая... Перестань... Я ведь к тебе по-доброму...

РИММА. А кто тебя просит ко мне по-доброму? Я - «оно», я - пьяница, я - животное... Зачем ко мне по-доброму!?

МАКСИМ. Ну вот. Ты все помнишь. Зачем врала - не понимаю...

РИММА. Ничего не помню.

МАКСИМ. Прости меня за тогдашнее. (Пауза.) Послушай, от меня сбежал Додик.

РИММА. Поздравляю. Кто такой?

МАКСИМ. Ну, это та собака, дворняга, Кабсдох, которого ты нам дала... Я ее так назвал - Додик...

РИММА. Помню, что вы ее у меня украли. Меня - побили. Помню.

МАКСИМ. Ну, не обижайся... Нам ведь надо было защищаться, а то ты совсем озверела, стала с бутылками на людей кидаться, убить могла...

РИММА. Что-то не помню этого...

МАКСИМ. Мы ее не украли, а с собой взяли ее. Ты бы ее убила. А мы ей доброе дело сделали. Ну, ладно, так вот: Додик сбежал оттуда, с дачи... Перегрыз веревку, что ли...

РИММА. От голода и цепь можно перегрызть... Ну и что дальше?

МАКСИМ. *(помолчал.)* Не заходил к тебе?

РИММА. Может, и заходил. Я всех бездомных собак - ликвидирую... Сразу же.

МОЛЧАНИЕ.

МАКСИМ. Куда же он девался?

РИММА. Иди давай, иди...

Максим встал, пошел к двери, остановился.

МАКСИМ. А ты что - так и будешь тут сидеть в Новый год? Пойти некуда? Куда-нибудь в гости, за приличный стол?

Римма молчит.

Ты меня извини за тогдашний разговор... Я, конечно, был неправ... Надо терпимее быть к людям... Но, согласишься, что ты тоже хороша, в рамках приличия себя совсем не умеешь держать, как поддашь...

Римма молчит.

Можно, я посижу с тобой тут? Тебе ведь скучно? Да и вдруг она появится?

РИММА. Я всех собак ликвидирую, сказала ведь. Не появится.

МАКСИМ. Нет, я про другое...

РИММА. И я про другое.

МАКСИМ. *(Пауза.)* Можно, я у тебя посижу?

РИММА. Можно Машку за ляжку, можно козу на возу, а в приличных домах говорят: «Разрешите?»

МАКСИМ. Ну, разрешите?

РИММА. *(помолчала.)* Ты ведь не из-за собаки пришел... Нет?

МАКСИМ. Нет. Правильно. Нет. Не из-за собаки...

РИММА. *(молчит.)* А как ты... понял? Почувствовал? Да? Неужели почувствовал? Да? Да?

МАКСИМ. Что понял? О чем ты?

РИММА. Ну, что меня сегодня не станет?

МАКСИМ. Ты опять за свое... Какой-то черный юмор. Брось. И два месяца назад про это только и говорила, и теперь - опять. Брось. Самой-то не надоело?

РИММА. Нет. Сегодня - точно. В Новый год, чтоб как по расписанию. Ни раньше, ни позже. В двенадцать часов ровно. Ты почувствовал? Да?

МАКСИМ. Да что почувствовал?

РИММА. *(молчит.)* Я все Бога молила, молила: пусть придет, пусть придет... И вот, как в сказке: дверь открывается. Я так испугалась... Так страшно испугалась... Ты почувствовал?

МАКСИМ. Да, да, да. Почувствовал. Почувствовал. Почувствовал. Успокоилась? Конечно, почувствовал. Да. У тебя выпить есть чего-нибудь? Дай, согреться...

РИММА. На...

Протянула Максиму бутылку. Смотрит на него в упор.

МАКСИМ. *(Нашел стакан, быстро выпил, облил дубленку водкой.)* Черт... Вот... Вот... Так будет лучше... Не ноет.

РИММА. Болит?

МАКСИМ. Болит... Болит... *(Молчит.)* Скажи мне, ты все знаешь... Скажи мне, вот это вот - настоящее, да?

РИММА. Что?

МАКСИМ. Ну, что происходит с нами со всеми - это вот то, для чего мы появились? Да? Другого уже, значит, не будет, так? Вот эта вся глупость, суета... вот эта. . ерунда вся, это вот все - настоящее, дано нам, чтобы жить, да? Да? Да?!

РИММА. Не знаю... Про что ты?

МАКСИМ. Ну, другой жизни уже не будет, да? Все уже? Только вот эта и все? *(Пауза.)* Понимаешь... То, что происходит - это такая ерунда немыслимая... Я все думаю, что где-то там, на другом краю света, в жаркой или в холодной стране ходит по земле человек, которого я ждал, и заранее уже любил всю жизнь... Тот, настоящий человек, а не этот, который рядом, рядом сейчас, потому что он рядом - временно, пока, просто так, чтоб было не скучно, что ли... И вот придет наше время, пути наши пересекутся и мы - станем счастливыми. И так должно быть у всех, у всех, иначе - зачем тогда жить? И то, что сейчас происходит со мной и со всеми - это так, не настоящая жизнь, нет... Настоящая будет потом, когда мы с ним встретимся... А вдруг - не встретимся? Будет ли та жизнь? Не будет. Нет. Нет. Вот эта гнусная жизнь моя - и есть настоящая. Волоки лямку! Вот для этого я и родился... Это - настоящее. Еду в электричке сейчас, смотрю на елки за окнами, на снег, на вагоны, которые на путях застряли, на рельсы смотрю - мелькает, мелькает... Так и дни: один за другим несутся и ничего нет сзади, пустота... И ничего впереди... Ничего и впереди не видно, ни-че-го. Только мерзость, мерзость жизни, моей жизни...

РИММА. Жалко собаку? Привык?

МАКСИМ. Собаку? *(Молчит.)* Себя мне жалко. *(Пауза.)* Не звонила она тебе? Не приходила? Пропала вот.

РИММА. Кто?

МАКСИМ. Нина, подруга твоя? Три дня, как нету, пропала?

РИММА. Нет. Нет. *(Молчит.)* Мимо, мимо, мимо...

МОЛЧАНИЕ.

МАКСИМ. Знаешь, я свою жену ненавижу. Убить ее готов. Она - самая главная мерзость в моей жизни. И-за нее все... Тихая, глупая, жирная... Не-не-ви-жу... Не-на-ви-жу. Не-на-ви-жу.

РИММА. Выпей еще.

МАКСИМ. Давай. Согреюсь. Холодно на улице. У тебя тоже холодно. Как в холодильнике. В морозильной камере. Окоченел я...

РИММА. В морге, говорят, так же...

МАКСИМ. Опять ты за свое... *(Молчит.)* Не пробовал в морге бывать... Как ты тут терпишь? Холод ведь собачий?

РИММА. У меня кровь горячая. Потрогай руки - теплые.

Выпростала руку из-под одеяла, дотронулась до Максима. Тот отдернул руку, поспешно выпил.

МАКСИМ. Теплые. Да, теплые...

МОЛЧАНИЕ.

РИММА. А у меня Ланка умерла.

МАКСИМ. *(вздрагнул.)* Кто?

РИММА. Собака у меня была. Умерла вот.

Откинула одеяло, встала во весь рост на диване. В кроссовках, в длинном платье с блестками.

Это - от нее. Еённое платье. Нравится?

МАКСИМ. От нее?.. По-кооперативному одета... Так цыганки ходят...

РИММА. Плохо? Снять?

МАКСИМ. Ладно, зачем? Пусть будет. Праздник ведь, карнавальный костюм будто...
(*Пьет быстро и много, мгновенно хмелея.*)

РИММА. Купила вот вчера. Благодаря Ланке. Вчера как раз последнего щенка продала. Со всеми рассчиталась. Никому не должна. Щенков вырастила. Ланка не обидится, когда мы там с ней встретимся. Подумала вот, неужто я в гробу буду в носках и в штанах лежать? Купила взяла. Буду вот в платьи, блестящем, красивом... Как царевна... Пусть завидуют все...

МАКСИМ. Ну, опять ты, опять... Не надо, на надо, прошу! И так кошки на душе скребут, а еще и ты тут...

РИММА. Все в порядке. Ты - пришел. Ты - услышал. Значит, все в порядке. Ну, все...
(*Смеется.*) Давай, прорепетируем тогда, раз пришел.

Ложится на диван. Сложила руки на груди.

Ну, смотри? Слышишь? Смотри!

МАКСИМ. Что смотреть?

РИММА. Давай, давай, смотри...

МАКСИМ. Ну, смотрю, смотрю. Ну?

РИММА. Рассказывай, что видишь?

МАКСИМ. Ничего я не вижу, отстань...

РИММА. Ну, посмотри внимательнее, посмотри?

МАКСИМ. Ну, смотрю. Ну?

РИММА. Представь, что я в гробу лежу и что ты пришел ко мне на меня посмотреть... Ну?

МАКСИМ. Ну, хватит, хватит, надоело! Слышишь?!

РИММА. (*села на диван.*) Миленький! Прошу тебя! Миленький! Я больше никогда ни о чем в жизни тебя не попрошу! Прошу тебя! Посмотри! Ну?!

МОЛЧАНИЕ.

Максим отвел глаза в сторону.

МАКСИМ. Ну, давай, давай... Раз Новый год, давай - поиграем в детский сад... Раз я у тебя в гостях - должен выполнять твои прихоти... Вернее, не прихоти, а «приходы»... Приходы твои! Ну, давай!

РИММА. (*легла.*) Говори, что видишь... (*Пауза.*) Вот, представь, что я умерла уже, что ты пришел хоронить меня. Придешь ведь? Скажи честно: придешь, нет?

МАКСИМ. Приду. Приду. Отстань. (*Пьет водку.*)

РИММА. Ну, давай, развлекемся, поиграем, ну? Ты ведь сказал - поиграем? Ну, вот, ты пришел... Все смотрят. Все стоят. Ты смотришь. Говори, что ты видишь? Ну?

МАКСИМ. (*смотрит на елку.*) Ну, я пришел... Все стоят. Я смотрю. Лежит в гробу Римма. Лежит она в платьи блестящем... Руки сложила. Все стоят. Все молчат. Никто не плачет...

РИММА. (*выключила настольную лампу.*) Постой, свет выключу... (*Снова легла, сложила руки на груди. Мигает елка.*) Mamka, mamka моя - она что делает? Посмотри внимательнее, ну?

МАКСИМ. (*долго молчит, смотрит на елку.*) Стоит у гроба мамка твоя... Mamka твоя... В сером пальто старом, на голове красная вязаная шапочка. Стоит мамка у гроба, гладит тебя по щеке она, гладит и все причитает: «Риммочка моя, волосики-то у нее какие густые, черные, блестящие...» Воет и воет она, несет всякую околесицу, собирает, что попало... У

тебя на голове, сбоку, на виске - ссадина красная. Глаза закрыла. Не улыбаешься. Сердитая. Стоят все. Холодно-холодно. Все одетые. Январь. Вот и я пришел. Всех раздвинул. Положил на тебя, на живот тебе - четыре белых цветка... Зима, мороз, холод собачий. Я завернул цветы в толстую бумагу, в грубую серую бумагу и принес тебе... Кто ты мне была? Никто. Никто... Мы с тобой встречались два раза в жизни. Всего-то. Но я почему-то буду вспоминать тебя до конца моих дней... Твою корявую жизнь буду вспоминать и жуткую смерть... И похороны твои обязательно запомню... Цветы белые - символ невинности. Римма была девушкой. Теперь, после ее смерти, я это точно знаю... А взял я цветы на заводе на своем, в оранжерее, там у меня знакомая работает... Она дала мне их бесплатно. Вот так-то. Даже на похороны на твои я ни копейки не истратил, будто пожалел. Вот так-то... Так-то вот. Пришел я, положил цветы. А бумагу сунул в урну. Виталька Аулов пришел. Ты его «Кишлаком» называла. Эту кличку он теперь на себе будет до гроба носить и тебя помнить будет. Как напьется, так плакать сразу станет и рассказывать все про тебя всем, чтобы написали роман такой: как ты жила и как ты умерла... Будет Виталька идти мимо ветлечебницы этой и каждый раз отворачиваться будет, плакать - тебя вспоминать. И я тебя буду вспоминать... Как увижу на улице собаку бездомную, или кошку ободранную, так сразу вспомню тебя. Не потому, что ты их убила тысячу штук, а потому что глаза у них точь-в-точь, как у тебя были... И отец твой будет стоять сзади матери. Маленький, сухой, пропитой. Портфель будет держать крепко, потому что в портфеле у него две трехлитровые банки самогона... Будет обходить отец твой всех с грязным стаканчиком, угощать потом: помяните, мол... Нету денег в доме на водку, тайком самогону нагнали, темными, пьяными, заплаканными ночами гнали отец с матерью самогона... Нету денег. Даже грузчикам нечем платить... А ты - тяжелая. Два венка. Ленты черные. Еще какие-то женщины пришли. Четыре человека. Все, больше нету никого. Никто не пришел... Я приду домой, а на двери гвоздем будет нацарапано: «Балда ты... « Я буду много лет подряд замазывать эти два слова краской, а все равно будет видно, что написано. Видно, видно, видно...

МОЛЧАНИЕ.

Максим вскочил, потряхнул головой, включил свет.

(перепуганно.) Это что?! Это что такое?! Что?! Что такое было?! Это что?! Ну, что?! Бред, наваждение какое-то... Что?!

РИММА. *(села на диване.)* Все хорошо, миленький... *(Счастливо улыбается.)* Ну, вот я все и увидела, как будет. Так и будет... Больше никак быть не может. Спасибо тебе... Жалко тебе меня будет, нет?

МАКСИМ. *(растерянно трет лоб.)* Жалко, наверное... Человек ведь ты была... Не насекомое...

РИММА. *(тихо.)* Ну тогда подойди, поцелуй меня на прощание...

МАКСИМ. Нет, нет. Не надо... Заигрались мы с тобой... Не надо... Я не могу...

РИММА. *(шепотом.)* Я ведь умерла уже... Меня нет!!! Сейчас кнопку нажмут и гроб утянет вниз, в печку, в крематорий, секунда осталась только одна и больше ты меня никогда, никогда не увидишь, никогда, никогда!!!

МАКСИМ. Нет... Нет... Не могу... Нет... Нет.

МОЛЧАНИЕ.

Римма смотрит на Максима.

РИММА. А говоришь - жалко. Только себя ты жалеешь. Несчастный ты... А две макушки. Балда ты, балда...

МАКСИМ. Скажи, что это было со мной сейчас? Что это было? Что?

РИММА. *(улыбается.)* Бывает. Бывает, что-то увидишь, как будто это уже было наяву с тобой... Бывает... Ничего. Так. Ничего.

МАКСИМ. Так это - ты?

РИММА. Что?

МАКСИМ. На двери моей квартиры кто-то нацарапал: «Балда ты... «Это - ты, да? Зачем?

РИММА. На память.

МАКСИМ. На какую память?

РИММА. На вечную. Вечная память. Чтоб не забыл. Чтоб рассказал какому-нибудь писателю про меня. Чтоб он написал. А то - ничего не останется от нас с Ланкой. А пока не расскажешь - будешь мучаться, ныть вот тут вот будет...

Легла на диван.

Ну и все... Вот и все...

Нажала выключатель лампы.

Надо же... То светит, то убивает... На смерть убивает...

МАКСИМ. *(сидит на полу.)* Опять ты о смерти, о смерти, о смерти, о смерти... . Как надоело! Хватит!

РИММА. А ты о ней никогда не думаешь?

МАКСИМ. О чем?

РИММА. О смерти? Никогда?

МАКСИМ. Мне - некогда. Я - живу. Плохо ли, хорошо ли - живу!

РИММА. А я с детства только о смерти и думаю. Что это такое? Помню, возьму Божью коровку на руки, говорю ей: «Божья коровка, улети на небо, там твои детки, кушают конфетки, всем по одной, а тебе ни одной! Божья коровка, улети на небо принеси мне счастье!». А она - не улетает. Я ее тогда раздавлю со злости. Одна жижа останется. Была - и нету. Были на спине ягодки черные, были крылышки коричневые, прозрачные - и их нету... Куда делось? Откуда пришло? Куда ушло? А сейчас ночью приходят собаки ко мне, без кожи, и люди - голые, как пупсики... Я им в башку - минус, в спину - плюс и они сразу мертвецами становятся... Мертвецами...

МАКСИМ. Людей?

РИММА. Людей...

МАКСИМ. Не страшно?

РИММА. Ни капельки... Ни капельки... Ни капельки.

МАКСИМ. Старики, дети?! Да?! Говори?!

РИММА. Все на одно лицо...

МОЛЧАНИЕ.

Все на тебя похожи люди... Те люди - все на одно лицо. Ты.

МАКСИМ. *(молчит, пьет из бутылки.)* Ненавидишь меня? Да? За тот случай меня ненавидишь? Забыть не можешь?

РИММА. Люблю.

МАКСИМ. *(молчит.)* Ну, а чем же я тогда тебе так досадил, что ты меня вот так хочешь, как собаку?

РИММА. Кого любишь - убить хочется... Я собак любила... От мук их освобождала. .

МАКСИМ. Что за любовь у тебя такая?

Пауза.

РИММА. У тебя первый этаж...

МОЛЧАНИЕ.

Ну? Чего ты тут? Уходи, давай... Чего ты здесь, ну?

МАКСИМ. *(плачет.)* Зачем ты сделала это? Кто тебя просил? Кто?

РИММА. Иди, иди... Жена ждет... Своя жизнь у тебя... Иди... Новый год... Стол накрыт... Елка стоит, шарики светятся... Дочка ждет, подарок принесешь ей... Иди... Иди...

Максим пьян. Встал, качается. Упал, поднялся.

МАКСИМ. Меня ждет жена... Меня ждет жена... Я люблю жену... Я ее очень люблю... Очень-очень люблю... Уехала, ну и пусть... Пусть... Правильно... Пусть останется в этом году... Я бы сам не смог... Правильно... Зачем врать? ... Я люблю жену... Жену! Люблю ее... Ты врешь... Ты ничего не знаешь о любви... Любовь - не ах и ох! Любовь - это привычка! Ты не поймешь никогда... Ты ненавидишь, ты не можешь любить... Убить - ты можешь... Любить - нет... Нет... Нет...

Идет к черному входу.

Я приду после праздников... Возьму другую собаку... Слышишь?! Попробуй только не дать мне собаку! Попробуй только!

РИММА. *(легла на диван, закуталась в одеяло.)* Приходи... Второго числа приходи... Я двери закрывать эти на ключ не буду... Не стучи... Открой дверь, толкни и входи... Рано утром приходи. Приходи...

МАКСИМ. Все. Все. Все. Все. Я пошел. Пошел. Пошел...

Остановился у двери.

Правильно ты сделала... Правильно... Спасибо тебе...

Открыл дверь. Вернулся.

Что ж, как свинья поступаю? Ты добрая... У меня гора с плеч... Ты все - одним махом... Спасибо тебе... Дай поцелую тебя. Как брат сестру...

Идет к дивану.

РИММА. *(сжалась в комок, кричит.)* Нет... Нет... Нет... Нет... Потом... Второго числа! Не теперь! Сейчас не надо... Не надо... Не надо!!!!

МАКСИМ. Не дури. Ну?

Поцеловал Римму. Пошел к двери.

Пока. До послепраздников... Ты - все правильно... Пока.

Максим вышел.

РИММА. *(шепчет.)* Я буду лежать, как мертвая царица... Я буду лежать в стеклянном гробу, на золотых цепях... Придет принц, поцелует меня... Придет... Придет...

Римма встала, открыла черную дверь.

Метель, снег, звезды.

Пошла к шифоньеру.

Упала, ударилась виском, рассекла голову. Зажала рукой кровь. Дошла до шифоньера. Рванула ручку на себя. Нашла в шифоньере провод.

Идет к столу. Падает, поднимается. Снова падает, и снова поднимается. Метель валит ее с ног. Гуляет ветер по комнате, метет снег.

Ланка... Моя Ланка... Только ты там будь со мной... Больше мне не надо никого, не надо... Обязательно будь там со мной... Ланка... Моя Ланка... Будь обязательно... Ланка... Ланка...

Намотала провод на руку.

Вырвала штепсель настольной лампы из розетки.

ТЕМНО

Только елка - то вспыхнет, то погаснет, то вспыхнет, то погаснет...

Где-то далеко и тревожно бьют куранты.

* * *

СВЕТ

И вдруг стены исчезли.

Не стало комнаты, дивана, дверей, шифоньера.

Ничего не стало.

А за стенами, оказывается - небо. Звездное небо.

В белом, искрящемся платье ступает по звездам ИРКА ЛАПТЕВА.

Это она умерла, много лет назад.

Это она хотела, чтобы я написал про нее.

Это про нее я придумал эту историю.

Придумал, стараясь не врать.

Идет Ирка спиной ко мне.

Обернулась, помахала рукой весело и счастливо.

Чему-то посмеялась и заторопилась дальше.

А рядом с ней, высунув горячий красный язык, бежит собака Ланка из Созвездия Гончих Псов.

Идут вместе - Ирка и Ланка.

Меньше, меньше...

Вот светящаяся точка на горизонте только.

Будто две звездочки.

Совсем исчезли.

Пропали.

Нет их больше.

ТЕМНОТА.

Конец.

*г. Свердловск
июнь 1990 года*